

РАЗДЗЕЛ ІІІ. МАЛАДЫЯ НАВУКОЎЦЫ АБ ГІСТОРЫКА-ПРАВАВЫХ І ТЭАРЭТЫЧНЫХ ПЫТАННЯХ

*Прудников Олег Евгеньевич,
соискатель кафедры теории и истории государства и права юри-
дического факультета БГУ*

О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНЦИПА ПРАВОВОГО ОГРАНИЧЕНИЯ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СТАТУТЕ 1566 ГОДА И В АВСТРИЙСКИХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЗАКОНАХ 1860 – 1861 ГОДОВ

Введение в действие второго Статута Великого Княжества Литовского сыграло важную роль в истории государственно-правового развития стран региона Центральной и Восточной Европы. Как оказалось, господарским привилеем от 1 марта 1566 г. не просто санкционировалось применение переработанного свода законодательных правил ВКЛ. Этот кодифицированный свод был официально принят всем составом депутатов вального сейма, что немедленно узаконило исключительную компетенцию двухпалатного парламента и одновременно привело к юридическому оформлению ограниченной сословно-представительной монархии на востоке Европы. Именем великого князя закон устанавливал (разд. ІІІ, арт. 12) – любая из общих норм права может получить государственное признание только «з ведомостью порадою рад наших и призволением всих земель того панства нашего» [4, с. 48].

Начиная с 1566 г., принятие государственно-правовых актов ВКЛ происходило по принципиально изменённой схеме, когда монарх не имел

прежней возможности утверждать их при помощи одной рады и «с паны радами прибавляти» новые «уфалы» [3, с. 49]. Закон принимался, если «от его королевской милости, и от панов их милости, и от всих» остальных представителей поместной шляхты он был «ухвален», то есть, одобрен каждым из трёх отдельных элементов «пришлого сойма», для чего глава государства беспрепятственно должен был «в то взглянути» [2, с. 8].

Таким образом, вместе с принятием второго Статута широко организованное посольское «коло» отвоевало себе давно искомое место влиятельного участника законотворческого процесса в целях дальнейшего правового ограничения власти государя. Однако и полномочия короны, по крайней мере, до 1588 г. сохранялись практически в полном объёме, и без согласия венценосца закон не утверждался. Исследователь государственного права И. Н. Данилович подчёркивал мысль о не изжитом до конца монархическом духе Статута 1566 г. и видел в нём причину неприятия Устава «на Короне» [1, с. 377]. Занимаясь данным вопросом, некоторые авторы даже склонялись к преувеличению тогдашней компетенции великого князя в сфере законодательства. Профессор Ф. И. Леонтович, например, специально обращал внимание на ошибочность мнения, высказанного С. Л. Пташицким, о принятии третьей редакции Статута якобы не в общем законодательном порядке, а «лично королём», чего уже никак не могло произойти легитимным способом [2, с. 11].

В тот исторический момент негласное в деталях, закрытое для участия мелких и средних феодалов нормотворчество монарха в союзе с магнатской радой безвозвратно ушло в прошлое. Кроме того, наряду с обретением «врядниками земскими и дворными» от шляхты и «рыцества и всих иных станов» важнейшего места в работе вального сейма, возрастало неудержимое стремление землевладельческого класса к скорейшему установлению парламентарного правления. Заявления о необходимости осуще-

ствления подобных планов документально зафиксированы в период подготовки положений Устава 1566 г. Депутаты прямо предлагали «привилья прав и вольностей земских в Статут новописанный вложить и вписати, по тому ж обычаю як в Короне Польской привилья и вольности шляхетские в Статут уписаны суть» [2, с. 9]. Впоследствии только отмена действия статей второго Статута привела господаря к необходимости безоговорочного утверждения постановлений, одобренных корпусом шляхетских представителей. Третий Устав ВКЛ обязал выборного монарха «выдать и привести к уживанью» законодательные акты в силу «ухвал сеймовых», ибо в те годы, по справедливому определению С. А. Бершадского, и в Литве, и в Польше «предписания короля, как главы исполнительной власти, имели силу административных распоряжений, не более» [2, с. 14, 16]. В Статуте 1588 г. (разд. III, арт. 9) намеренно разъяснялось: «што се на сойме постановить и уфалить, мают послове на письме за печатью» (читай – автоматически) получить все депутаты и «до повету своего принести», причём, дворянским избранникам были гарантированы «справы земские», которые «дарьмо выданы быти мают» в великокняжеской канцелярии [5, с. 55]. Всё это говорит о довольно кратком, но бесспорном существовании в ВКЛ закономерно сложившейся к 1566 – 1588 гг. системы парламентского дуализма. Она выполнила функцию переходной ступени на пути к очередной государственно-правовой конструкции, свойственной уровню торжества феодальной демократии, и может свидетельствовать об истоках строительства конституционной монархии на территории современной Беларуси задолго до расцвета этой формы правления – накануне Нового времени.

Своеобразный синтез традиционных феодальных и инновационных идей, характерный для Статутов ВКЛ [6, с. 134], проявился и в эпоху конституционного преобразования национальных государств центральной части Европы. В то время Австрийская империя, не говоря лишь о русском само-

державии, стала последней из больших европейских держав, реально покончивших с абсолютизмом. Спустя триста лет после обнародования привилеев Сигизмунда I Августа о признании и введении Устава 1566 г. – не на пороге, а на исходе Новой истории – применение принципа правового ограничения монархической власти происходило в условиях повсеместной демократизации форм правления и политико-правовых режимов.

Хотя к началу 1860-х гг. идея ограничения власти наследственного кайзера, как и в Великом Княжестве Литовском, связывалась с внедрением дуализма, высокопоставленные проводники государственных реформ императорской Австрии не могли разделять стремлений к либерализации парламентского устройства и к созданию монархии парламентарного типа. Конституционным преобразованиям, инициатором которых явилось консервативное правительство, был придан совершенно иной характер.

Диплом «Об упорядочении внутренних государственно-правовых отношений» от 20 октября 1860 г., основополагающий акт всех дальнейших преобразований, содействовал превращению монархии в решающего участника законодательного процесса. Он предписывал – в процессе нормотворчества кайзер оставляет за собой право трактовать предметы законодательства, требующие участия имперского парламента, рейхсрата, и находящиеся в компетенции ландтагов коронных провинций; мало того, данный «постоянный и неотменяемый» закон устанавливал, что «единодушное взаимодействие» австрийских подданных с верховной властью в делах законодательства должно было осуществляться на основе «целесообразно регулируемого участия» и не могло нарушать полноту монархического суверенитета [9, с. 337].

Практика парламентской жизни показала, каким образом исполнение конституционных законов общеимперского и земельного уровней приводило к резкому ограничению не властных полномочий монархии, а наобо-

рот, – права законодательной инициативы самих представительных органов государства. Основной закон «Об имперском представительстве» от 26 февраля 1861 г. гласил: «Предложения законов поступают в рейхсрат как правительственные законопроекты» [8, с. 74]. Аналогичные правила содержались и в провинциальных Земельных уставах, изданных совместно с вышеуказанным актом, где столь же лаконично использовалась похожая фраза («Предложения законов по земельным делам поступают в ландтаг как правительственные законопроекты») [10, с. 77].

На базе перечисленных источников конституционного права Австрийской монархии сформировалось «заготовленное» придворными юристами понятие так называемой «предварительной санкции» кайзера. Именно она позволяла суверену либо уполномочить определённого министра на внесение предлагаемого высочайшей властью текста документа в соответствующий орган народного представительства, либо безответственно отказать отдельному министру, всем членам Совета министров и парламентским палатам в праве на составление или обсуждение законопроекта. Отсюда, кстати, безапелляционно вытекала формулировка правоведов Франца Иосифа I: кайзеровская санкция «выражает суверенный закон государства» [11, с. 358]. В итоге здесь представляется оправданным следующий вывод. Результатом октроированных конституций 1860 – 1861 гг. явилось сугубо формальное, частичное и постепенное ограничение традиционных автократических прав венского кайзера. Поэтому система парламентского дуализма императорской Австрии не обладала мощным социальным потенциалом для быстрого правового развития с перспективой беспрепятственного перерождения её элементов в комплекс правящих институтов империи.

В целом, при рассмотрении государственно-правовых актов статутного этапа кодификации законодательства ВКЛ и октроированных поло-

жений Австрийской монархии, предназначавшихся к эволюционной смене формы правления в интересах феодального дворянства, служилого рыцарства и крупных собственников, становится очевидным различие в понимании классовых целей господствующими сословиями названных стран. Применение принципа правового ограничения властных полномочий монархии в литовском Статуте 1566 г. шло вразрез с идеей абсолютной власти государей и, с точки зрения сторонников феодальной республики, было прогрессивным. В австрийских же конституционных законах 1860 – 1861 гг., напротив, получила серьёзное и, пожалуй, законченное выражение идея правового «уживанья» сильной постабсолютистской монархии дуалистического типа с незыблемыми основами гражданской демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилович, И. Н. О Литовском Статуте / И. Н. Данилович // Журнал министерства народного просвещения. – 1838. – Отделение II. – С. 374 – 388.
2. Леонтович, Ф. И. Спорные вопросы по истории русско-литовского права / Ф. И. Леонтович. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. – 58 с.
3. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К. И. Яблонскиса. – Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960. – 253 с.
4. Статут Великого князьства Литовского 1566 года / предисловие И. Беяева. – М.: Издание Императорского Московского общества истории и древностей российских, 1855. – 242 с. // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. – Кн. 23.
5. Статут Великого Князьства Литовского 1588 года / предисловие И. Беяева. – М.: Новое издание Императорского Московского общества истории и древностей российских, 1854. – 382 с. // Временник Импе-

раторского Московского общества истории и древностей российских. – Кн. 19.

6. Щербик, Д. В. Значение статуты Велыкого княжества Литовского в преемственном развитии права / Д. В. Щербик // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2009. – № 10. – Серия D. – С. 132 – 135.

7. Grundgesetz über die Reichsvertretung vom 26. Februar 1861 // Reichsgesetzblatt. – Jahrgang 1861. – IX Stück. – I Beilage zu Nr. 20. – S. 72 – 74.

8. Kaiserliches Diplom vom 26. Februar 1861 // Reichsgesetzblatt. – Jahrgang 1861. – IX Stück. – 20. – S. 69 – 71.

9. Kaiserliches Diplom zur Regelung der inneren staatsrechtlichen Verhältnisse der Monarchie vom 20. October 1860 // Reichsgesetzblatt. – Jahrgang 1860. – LIV Stück. – 226. – S. 336 – 338.

10. Landes-Ordnung und Landtags-Wahlordnung für das Erzherzogthum Oesterreich unter der Enns // Reichsgesetzblatt. – Jahrgang 1861. – IX Stück. – II Beilage zu Nr. 20. – a). – S. 75 – 90.

11. Oesterreichische Bürgerkunde. – Wien: Verlag der Patriotischen Volkbuchhandlung, 1909. – I Bd. – 702 s.